

Сорочан С. Б.

ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРЕТОРИЯ IX в. В “ЦИТАДЕЛИ” ХЕРСОНА

Материалы раскопок юго-восточной части византийского Херсона, полученные в разные годы К. Э. Гриневичем, И. А. Антоновой, С. Б. Сорочаном, дают редкую возможность познакомиться со строительными остатками ромейского провинциального претория, сведения о котором донесла строительная надпись 1059 г. Как удалось установить И. А. Антоновой, он был сооружен в самом конце IX-начале X вв. на территории надежно укрепленной “цитадели”, образуемой каре из обновленных куртин 18 - 21. Архитектурный комплекс включал парное здание с восьмью помещениями общей площадью около 400 кв. м и просторным двором между ними, вход в который, прикрываемый железной дверью (*portai siderai*), открывался сводчатым или купольным портиком из четырех мраморных колонн. Перед дверью могли находиться одно или два вторично использованных мраморных изваяния льва на постаменте. Видимо, именно сюда была перемещена резиденция стражига фемы, в которую обычно входили хранилища, крововишница, помещения для воинов, суд и тюрьма.

С востока комплекс замыкал построенный несколько позже, не ранее начала X в., трехапсидный и трехнефный храм почти квадратной формы. Очевидно, он служил гарнизонной, военной церковью и был пышно украшен мраморами и мозаикой. Возвышаясь над прочими одноэтажными зданиями, храм являлся архитектурной доминантой всего комплекса. С юга к нему примыкало прямоугольное помещение баптистерия первой половины X в. с неглубокой купелью в виде прямоугольного каменного блока, вставленного в угол восточной стены. Ценная находка указывает, что херсониты продолжали в это время традицию проведения крещального обряда как в церквах, так и в отдельных крещальнях. Весь архитектурный комплекс просуществовал до конца XI - начала XII вв., после чего, очевидно, за ненадобностью был заброшен и разобран¹.

Тем не менее последние исследования, проведенные в 2004-2006 гг. экспедицией Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (руководитель С. Б. Сорочан), позволяют предположить, что обнаруженный комплекс не был единственным в

“цитадели”. Он имел своего предшественника. Рядом с ним, на расстоянии 13,2 м к югу, через площадь, уступом по отношению к парному зданию, находилось еще одно крупное обособленное здание, сnivelированное к моменту строительства претория X-XI вв.

К настоящему моменту раскопаны три крупных помещения почти правильной квадратной формы, следующие анфиладно по линии запад – восток². Общие размеры открытого здания - 18,0 x 6,60 м, общая площадь - 118,8 м². Первое (западное) помещение имело площадь примерно 31 м², второе, центральное, - 22 м², третье, восточное, - 23 м². В целом, постройка выглядела как прямоугольное в плане здание, которое, судя по значительной толщине стен (до 0,9 м), могло иметь второй этаж. Оно было сложено в технике двухпанцирной кладки, из подтесанного камня на земляном растворе. Кроме того, в кладке фундамента, сделанного несколько шире стен, встречаются сполли в виде плинфы с прослойками цемянки, которые поначалу были приняты за следы *opus mixtum*³. Культурный слой здесь вообще насыщен остатками разложившейся цемянки и обломками плинфы.

В 2006 г. удалось получить информацию об источнике таких споллий. В результате совместного исследования Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина и Лаборатории им. Резерфорда и Элтона (Оксфорд, Британия) была установлена идентичность строительных растворов ранневизантийской бани, находящейся к западу от открытого здания, и образцов раствора, обнаруженного в заполнении слоя помещений⁴.

Таким образом, можно утверждать, что раннесредневековая баня неоднократно перестраивалась⁵. Более того, раскопки Харьковской экспедиции в 2007 г. позволили уточнить, что здесь могла находиться не одна баня, как предполагалось раньше, а две. Удалось обнаружить, что еще одна баня находилась к юго-западу от первой, почти вплотную, но имела несколько иную ориентацию, со смещением на 15-20 градусов к северо-западу. Ее разрушение или кардинальная перестройка, очевидно, сопровождалась изменением планировки, были вызваны необходимостью сооружения нового общественного здания. В связи с этим северная часть бани бала разобрана, о чем свидетельствуют яма глубиной около 2 м на этом месте и наличие срубленной полукруглой ванны из плинфы и цемянки, торцовая часть которой оказалась включена в западную стену общественного здания. Строительный материал из разобранной, разрушенной части бани был

частично использован при строительстве нового здания, а частично использован для нивелировки поверхности под это строительство.

Заполнение всех трех помещений открытого архитектурного комплекса носит фактически идентичный характер. Это серый рыхлый суглинок с примесью керамики, ракушек и камней. Однако можно выделить и некоторые важные особенности. Так, в помещении 1, у западной стены 118, была обнаружена вымостка из трех рядов плоского бутового камня средней величины в один ряд (сохранившаяся общая длина – 2,9 м, ширина – 1,0 м), а на глубине около 0,5 м от уровня раскопок 2005 г. обнаружен мощный слой горения и слой разложившейся серо-желтой цемянки, который занимает почти всю площадь помещения 2 и уходит под южную стену 127. Последний не равномерен: начинаясь у стены 125а, он понижается к противоположной стене 131\ а, клебясь по толщине от 0,15 до 0,2 м.

В помещении 3, на глубине 0,4 м от уровня раскопок 2005 г., на уровне фундамента, обнаружено плотное заполнение из глины, извести, разложившейся цемянки, мелких камней и керамики. Мощность слоя – 0,25-0,30 м. Видимо, он тоже является следами нивелировки, предшествовавшей строительству.

Среди обнаруженного массового вещественного материала можно выделить дно лампы, две костяные заготовки, круглую игральную шашку (кость, 2,5 x 2,5 см), стреловидную накладку (кость, длина – 2,8 см, ширина - 1 см), пряслице или грузило (глина, 2 x 2 см), а также большое количество фрагментов тарной и строительной керамики, изделий из металла, монеты VI – IX вв.

Судя по строгой, правильной планировке помещений, тянувшихся размеренной анфиладой, здание явно носило общественный, административный характер. Ровный ряд почти квадратных в плане, просторных помещений очень близок к таким же двум рядам помещений возведенного позже двойного здания фемного претория, что позволяет высказать предположение об их аналогичном назначении. Если это так, тогда мы имеем дело со следами первого по времени претория, воздвигнутого почти по центру “цитадели”.

В настоящий момент можно утверждать, что здание было построено на месте сооружения, возведенного не ранее VII в. Кроме того, сохранилась часть вымостки упомянутой выше бани в западной части ранневизантийского “претория”, которая уходит на юг, под внешнюю стену претория и примыкает к ванне прямоугольной

формы, открытой в 2003 г.⁶ До раскопок 2007 г. предполагалось, что это следы южной оконечности раннесредневековой бани VI-первой половины IX вв., раскопанной И. А. Антоновой, но теперь с большей уверенностью можно говорить о том, что это остатки еще одной бани, причем построенной в VII в. Слои цемянково-известняковой крошки, подстилающий помещения обнаруженного “претория” и, возможно, являющийся следами остатков разрушенных терм, содержит самые поздние материалы столовой керамики LRC \10\ В и LRC \10\ С. Аналогичные контексты керамики зафиксированы и под каменной вымосткой помещения бани, примыкающей к ванне, открытой в 2003 г. Почти полное отсутствие более ранних форм, чем LRC\3, type F (причем присутствует только их поздний вариант с середины VI в.), в сочетании с этими формами дает дату от первой четверти VII в. До 650-670-х гг. Под этим слоем идет контекст с выбросом сразу второй половины II – начала III вв.

В помещениях 1 и 2 контексты достаточно однозначны – начало – первая половина IX в. Особо следует отметить отсутствие находок характерных кувшинов с плоскими ручками. Однако два контекста из помещения 3 вносят в эту согласованную картину некоторый разнород. В сером слое, подстилающем фундамент здания, встречены два фрагмента кувшинов с плоскими ручками. Фрагмент ручки такого же кувшина найден под тонким слоем разложившейся цемянки в углу помещения. Если это нарушение стратиграфии, тогда общая картина соответствует двум первым помещениям и может рассматриваться как «примесь сверху». Если же находки стратиграфичны, а вероятность этого весьма велика, тогда время сооружения всего комплекса следует переносить на середину IX в., и считать “преторий” относящимся к самому раннему этапу существования фемы Климата (840-850-е гг.). В этом случае время его существования оказывается весьма непродолжительным – около 50 лет, поскольку в конце IX - начале X вв. в “цитадели” был сооружен уже новый, гораздо более обширный фемный преторий, а старый сnivelирован.

Обобщая полученные данные, можно заключить, что в результате работ 2004-2006 гг. было открыто ранневизантийское здание, которое пережило, видимо, две перестройки, причем вторая была кардинальной. Первое сооружение дожило до начала - первой трети IX в., когда погибло в результате сильного пожара. Его следы в виде темной гари, серого пепла мощным слоем прослеживаются во всех трех помещениях,

особенно в центральном. Около середины IX в. здание было полностью перестроено, но, очевидно, по плану предыдущего. В таком заново отстроенном виде здание доживает до последней четверти IX в., после чего, в свою очередь, было разрушено, а место, на котором оно находилось, сnivelировано под площадь ввиду начавшегося напротив, на расстоянии 13,2 м. к северу, строительства монументального архитектурного комплекса византийского фемного претория X - XI вв. Тогда же было окончательно сnivelировано и помещение раннесредневековой бани VI - первой половины IX вв., с запада примыкавшей к углу здания, открытого в 2004-2006 гг. Находившаяся южнее еще одна баня, выстроенная в VII в., перестала действовать уже к IX в. и материал из нее в качестве сполли, в том числе плинфа с мощным слоем цемянки, пошел на сооружение нового здания.

Следовательно, мы имеем дело с преемственностью строительства в “цитадели”, строительства, наполненного одним смыслом, ибо здание раннего “претория” тоже, скорее всего, служило для размещения местных правящих и судебных властей, как это следует из конституции Льва I префекту претория Константину, вероятно, от 471 г., которое было включено в Кодекс Юстиниана (I. 40. 15). Из постановления следовало, что если община, то есть полис, располагал священным дворцом или преторием (*sacra palatia vel praetoria*), тогда управление, судьи обязаны были занимать для обитания не покинутые дома частных лиц, а “...всеми способами заселяют (*inhabitare*) священнейшие дворцы или претории, так как эта необходимость побуждается (потребностью) предусматривать их восстановление”. При этом преторий предназначался для “...долженствующих быть полученными (от налогоплательщиков) и сохраненными продуктов (*speciebus*) вместо хранилищ, или для дела иной необходимости”.⁷ Под этой необходимостью применительно к Херсону могло подразумеваться размещение практия (*prakteion*) управления (*bikaratos*) местных баллистариев (*ton ballistairon*), правителей и судей (*iudex, iudicans*), а также имперских офицеров, к каковым относились комит, а позже дука – военный наместник, наделенный гражданскими полномочиями, своеобразный военно-гражданский “губернатор” области, засвидетельствованный эпиграфическими и сфрагистическими памятниками ранневизантийской Таврики.⁸ Он обладал высшей юридической властью в отношении солдат (*Dig. 49. I*), военной властью на

территории Таврики, применял по отношению к местному населению какие-то фискальные и связанные с налогообложением судебные функции, оказывал то или иное влияние на процедуру налогообложения, сбора налогов и выполнения повинностей (С. J. 1. 45.2; 10.23.3; 12.54.4), взимал недоимки (С. Th. 1.11.1; 6.30.40), контролировал финансовую деятельность курий (С. J. 10.32.62; 10.34.3), назначал управляющих – “простатевонтов” в крымские кастра, следил за чеканкой монет, за церковным управлением, организовывал общественные торжества, заботился о поддержании общественных дорог, строительстве, в том числе фортификационном, о мире и спокойствии на вверенной административно-территориальной единице (С. J. 1.5.8; 9.39.2). Судьи, размещившиеся в претории, обязаны были судить по законам империи, консультировать население по юридическим вопросам (С. Th. 1.16.12), доводить до подданных смысл новых законодательных актов (Nov. Marc. 2. 7).⁹ Для отправления всех этих многообразных дел могло служить административное здание по центру “цитадели”, когда оно находилось в ведении, вероятно, архонтата, его оффикия, а затем, после кардинальной перестройки в 40-е г. IX в., до возведения нового комплекса претория, приняло фемные власти, секрет стратига, первым из которых, если верить византийским источникам, был протоспафарий василевса Феофила, Петрона Каматир. В этом случае, объект, обнаруженный в “цитадели” в 2004-2006 гг., является уникальным по своей значимости и позволяет заполнить лакуну между постройками римской вексилляции II - III вв. и поздним фемным преторием, воздвигнутым, вероятнее всего, в правление Льва VI Мудрого (886-912) или Романа I Лакапина (920-944). Такого рода постройки обнаруживают общее происхождение и преемственность традиций, какие прослеживаются не только в Херсонесе / Херсоне, но встречаются и на перефирии византийского мира, как это видно на примере сооружений болгарского военного лагеря VIII - IX вв. в Плиске.¹⁰

Примечания

¹ Подр. см.: Сорочан С. Б. Об архитектурном комплексе фемного претория в византийском Херсоне // АДСВ. - 2004. - Вып.35. - С. 108 - 121; Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г. Ю. Ивакин. - Харьков, 2005. - Ч. 2. - С. 997-1006.

² Сорочан С. Б., Крупа Т. Н., Зубарь В. М., Сазанов А. В., Иванов А. В. Об археологических исследованиях и консервационно-реставрационных работах на территории “цитадели” Херсонеса Таврического в 2004 г. // Археологічні дослідження в Україні 2003-2004 рр. - Запоріжжя, 2005. - С. 283-285; Сорочан С. Б., Крупа Т. Н., Сазанов А. В., Иванов А. В. Об археологических исследованиях и консервационно-реставрационных работах на территории “цитадели” Херсонеса в 2005 г. // Археологічні дослідження в Україні 2004-2005 рр. - Київ; Запоріжжя, 2006. - С. 334-338; Сорочан С. Б., Крупа Т. Н., Сазанов А. В., Иванов А. В. Об археологических исследованиях и консервационно-реставрационных работах на территории “цитадели” Херсонеса в 2006 г. // Археологічні дослідження в Україні 2005-2006 рр. - К., Запоріжжя, 2007 (в печати).

³ Сорочан С. Б., Крупа Т. Н., Сазанов А. В., Иванов А. Указ. соч. - С. 336-337, рис. 3-4.

⁴ Подр. см.: Крупа Т. Н., Кокельманн В., Киричек О. И., Сорочан С. Б. Исследование строительных растворов раннесредневекового времени Херсонеса: первый опыт // *Clavis medii aevi*. Вып.1. Информационные методы исследования в медиевистике / Отв. ред. А. Г. Еманов. - Тюмень, 2006. - С. 3-12.

⁵ Подр. см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон... - С. 938-946.

⁶ Сорочан С. Б., Крупа Т. Н., Зубарь В. М., Сазанов А. В., Иванов А. В. Работы объединенной археологической экспедиции “Цитадель” в Херсонесе Таврическом в 2003 г. // Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр. - Київ., 2004. - С. 300.

⁷ Законодательные памятники административной и финансовой политики ранней Византии. Ч. 1: период 364-401 гг. / Пер., коммент. и прим. В. В. Серова. - Барнаул, 2004. - С. 418.

⁸ Ср.: С. J. 1.49.1; Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (Находки 1905 г.) // ИАК. - 1906. - Вып.18. - С. 121-123, №7; Соломоник Э. И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. - 1986. - Т. 47. - № 4; Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. - СПб., 1896. - С. 107, № 99; Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. - VI в. н.э. Очерки истории и культуры / Отв. ред. В. М. Зубарь. - Харьков, 2004. - С. 520-538; Сорочан С. Б. Византийский Херсон... - Ч. 1. - С. 176 - 188, 618 - 624, рис.29; Сорочан С. Б. О дуках Таврики и их моливдулах // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международ. науч. конференции. - Киев; Судак, 2006. - С. 298-302.

⁹ Законодательные памятники... - С. 510-513.

¹⁰ Ср.: Георгиев П. Принципиата – дворец в кампуса Плииска // X. сб. - 2006. - Вып. 15. - С. 83-95.

Резюме

Сорочан С. Б. Про дослідження візантійського преторія IX ст. в “цитаделі” Херсону.

В статті розглядаються результати розкопок великої суспільної трьохкамерної будівлі в центрі “цитаделі” візантійського Херсону, яку можна інтерпретувати як преторій, місце, де розташовувалася влада цього ромейського провінційного міста. Споруду було побудовано на початку IX ст., після чого вона пережила кардинальну перебудову приблизно у 840-850-у рр., коли тут могла бути розташована ставка першого стратига Херсону та фемі Клімата протоспафарія Петрони Каматира, відомого з нарративних джерел. Преторій проіснував до кінця століття, після чого був розібраний внаслідок почавшегося неподалік будівництва більш великого монументального архітектурного комплексу нового фемного преторія X-XI ст. і гарнізонної церкви.

Токарев А. Н.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛОЗУНГОВ «ПОМПЕЯНЦЕВ» (44-42 гг. до н.э.)

Идеологическое противостояние в римском обществе после смерти Г. Юлия Цезаря привлекает пристальное внимание современных исследователей, так как зародившиеся в это время тенденции оказали определяющее воздействие на последующую идеологическую борьбу. Важное место в политической пропаганде этого времени занимает агитация «помпеянцев»¹. Она нашла широкое освещение в трудах Цицерона, Аппиана, Диона Кассия, Плутарха, кроме того, важную информацию дают данные римских монет.

Изучению этого феномена посвящено большое количество научных работ. Однако, внимание преобладающей части исследователей сосредотачивается на выявлении «республиканских», «оптиматских» черт в политических лозунгах «тираноубийц»². В результате, пропаганда liberatores отчасти идеализируется, так как *все* их идеологические акции рассматриваются как «республиканский образец». Такая трактовка событий позволяет нам вновь обратить внимание на политическую агитацию и пропаганду liberatores.